

Суверенитет и демократия в России в условиях трансформации мировой политической системы

М. С. Бочкова

Бочкова Мария Сергеевна
Editor Russia on World Security
Network Foundation,
выпускница факультета Мировой
политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

В современной политической системе мира любое явление и событие не может изучаться и объясняться только одной отраслью знания. Если раньше инновационные идеи и технологии возникали преимущественно на стыке естественных наук (как модные ныне нанотехнологии), то теперь подобные процессы происходят и в гуманитарной сфере.

В этом плане показательным стал мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 годов, последствия которого до сих пор ощущаются во многих странах. Рассматривать кризис исключительно с экономических позиций представляется неверным. Это комплексное явление, обусловленное политическими, экономическими и социальными трансформациями современности. В свою очередь, последствия этого явления изменяют конфигурацию системы международных отношений. И если ключевыми игроками мировой политики по-прежнему останутся государства, то система взаимоотношений этих государств может кардинально измениться.

Во-первых, экономическая нестабильность внутри государств ведет к массовым протестам граждан и, как результат, к смене политического руководства. Возникает угроза прихода к власти радикально настроенных

группировок в странах, ранее считавшихся вполне благополучными.

Хочется обратить внимание на эволюцию социальных слоев, участвующих в демонстрациях. Если в 1960–1970 годы протестные и воинствующие акции в западноевропейских государствах проводили представители «неформальных» общественных движений (марксисты, хиппи и т. п.), то в период экономического кризиса, например, в Греции, Исландии и Латвии в демонстрациях участвовали вполне благополучные слои населения (служащие, врачи, работники сферы образования).

Во-вторых, экономические интересы государств начинают доминировать над их ценностно-идеологической ориентацией. Возможно формирование новых блоков и коалиций. Финансы становятся ключевым фактором международных отношений. Примером могут служить следующие события: отказ Киргизии в дальнейшем размещении на своей территории американской военной базы «Манас», при этом Россия предоставляет стране кредит и финансовую помощь (2009 год).

Часто имеет место влияние на внутреннюю политику со стороны государства, предоставляющего финансовую помощь. Здесь можно указать на план «контролируемого банкротства»

Греции, предложенный Германией (2010 год).

Интересы США по спасению собственной экономики способствовали сближению с Китаем, становлению подлинно партнерских отношений между этими государствами. Многие американские ученые не исключают, что Администрация Барака Обамы будет целенаправленно содействовать принятию Китая в G8 или расширению участия Китая в МВФ.

Интересен вопрос о роли Китая как наиболее активного уже не регионального, а глобального игрока на мировой арене в посткризисном мире. Очевидно, что мировая история перестает быть традиционно европоцентричной. В середине 2008 года Ричард Хаасс, Председатель Совета по международным отношениям, заявил, что мировая система станет «бесполярной» (nonpolar world) [19]. Но возможно, что она станет «китаеццентричной» (Chinapolar world). Конечно, кризисные явления сказались и на Китае, например, на сокращении объема его экспортного рынка. За счет снижения спроса в США и Европе темпы его роста снизились. Так, в третьем квартале 2008 года они упали до 9%. По прогнозам МВФ, в 2009 году темпы роста могли составить 8.5%. Вместе с тем, по данным Государственного статистического управления Китая, к концу 2009 г. темпы роста составили 8.9%, а в 2010 г. — 10%. При этом надо учесть, что если для Китая это действительно одни из самых низких показателей за последние 5 лет, то для экономик многих государств это весьма оптимистичные показатели даже в докризисный период. Кроме того, за время кризиса резерв Китая вырос на 700 млрд. долларов.

Озабоченные решением внутриполитических проблем, европейские правительства, вероятно, будут меньше привлекать собственные ресурсы для достижения глобального господства, а их место на мировой арене может занять Китай. В 2010 году была создана зона свободной торговли Китай — АСЕАН, что укрепило не только Китай, но и весь Азиатский регион.

Китай способен оказать помощь развивающимся странам и странам третьего мира, например, Анголе, Судану. Взамен он, скорее всего, попросит природные ресурсы. Уже сегодня велика

экспансия китайского капитала и китайского населения и в Африке, и в Австралии, и в Новой Зеландии.

В целом, сокращение объемов международной помощи странам «третьего мира» и незаинтересованность западных стран в государственном строительстве в неблагополучных районах Земного шара может привести к увеличению числа «дефектных» стран (failed states). И чем больше будет «слабо контролируемых территорий», тем ярче станет доминирование Китая.

Одним из следствий кризиса стало возрождение теоретической парадигмы реализма. Причем чем сильнее проявлялся кризис, тем реалистичнее становились рассуждения экспертов. Прежде всего это связано с возвращением государственного регулирования экономики. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 годов привел к следующим изменениям.

1. Отказ от либеральных экономических, а вместе с ними и идеалистических политических теорий. Например, Фрэнсис Фукуяма осенью 2008 года отказался от идеи завершения своего труда «Конец истории...», объявив, что либерализм в экономике и демократия в политике не привели к равновесию и благополучию в мировой политике.

2. Повышение роли государства, возврат к государству как к первостепенному институту, основе мировой политики. Финансово-экономический кризис подсказывает нам теоретический вывод: в классическом споре внутри науки международных отношений между госцентристами и транснационалистами победу одержали госцентристы — представители реалистической школы.

Поиски новых союзников и отказ от идейно-демагогических принципов демонстрируют, что акторы¹ мировой политики будут исходить исключительно из представления о собственном конъюнктурном национальном интересе. Напомню, что основоположник политического реализма Ганс Моргентау применил по отношению к мировой системе высказывание К. Маркса об интересе и в труде «Politics among Nations. The struggle for Power and Peace» (1948 г.) и сформулировал тезис: «Ключевой категорией реализма является поня-

тие интереса, определенного в терминах власти» [19].

Десятилетиями постмодернисты уверяли, что мы живем в «новом обществе» — информационном, в котором главный продукт — не что-то реальное, а нечто виртуальное — информация. Конструктивисты убеждали, что мы самостоятельно моделируем реальность. Б. Андерсон еще в 1980-е годы написал книгу «Imagined Communities» — «Воображаемые сообщества» [17]. Уже одно ее название отрицает реалистический подход. Все это привело к огромному объему нереальных финансовых средств, к беспрецедентным по масштабам финансовым пирамидам, к «нереальной жизни» — жизни в кредит. Все это способствовало развитию финансово-экономического кризиса.

Глобалисты утверждали, что происходит эрозия и размывание государственного суверенитета. Кризис показал, что выстоять смогут только реально независимые государства с четко выраженным национальным интересом. И легче всего это будет сделать Китаю как государству, которое за 60 лет своего существования меньше других ограничивало свой суверенитет.

Важным, на наш взгляд, является то, что уже в начале 2000-х годов в России наметилась тенденция к возвращению на реалистический, нелиберальный политический курс и, как следствие, к укреплению суверенитета. Интересно, что в 2010 году экспертное сообщество может отметить своеобразный юбилей: пять лет назад «суверенная демократия» стала одной из ключевых концептосфер современного политического дискурса России. И что поразительно — на протяжении этого времени она не теряла актуальности, подтверждая право оставаться приоритетной темой при обсуждении внутриполитического развития России.

Помимо актуальности «суверенная демократия» приобрела универсальность. В российском политическом лексиконе этот термин впервые был использован в 2005 году главным редактором газеты «Московские новости», авторитетным экспертом В.Т. Третьяковым при анализе Послания Президента В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 25 апреля 2005 г. [16]. Тогда суверенная демократия, преж-

¹ От лат. actor (деятель) — субъект политики.

де всего, характеризовала идеологическо-философские основы российской государственности: «Суверенная (и справедливая) демократия России – вот лингвистическая и сущностная формула политической философии Путина, прямо не выведенная в Послании, но фактически все его пронизывающая» [16]. Затем приблизительно через полгода после внедрения этого термина в русскоязычное лексическое поле он использовался для описания политического режима. Так, заместитель Руководителя Администрации Президента РФ В. Ю. Сурков, выступая перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года, заявил: «Россия <...> станет суверенной демократией. То есть выйдет на путь устойчивого развития. Будет экономически процветающей, политически стабильной, высококультурной...» [14].

Распространению понятия способствовало и издание книг, посвященных суверенной демократии. Основные из них, выпущенные издательством «Европа», представляли собой сборники статей. Важно отметить, что в одном из первых подобных сборников «Суверенитет» (2006) расположение текстов обусловлено их идейным содержанием. А более полный сборник текстов о суверенной демократии, вышедший год спустя, – «PRO суверенную демократию» (2007) точно отражает хронологию появления работ и дает возможность проследить историю внедрения понятия и его последующее употребление российскими экспертами и политическими деятелями.

Использование понятия суверенной демократии для описания внутриполитической системы России не могло не привлечь внимания представителей международного сообщества. Пожалуй, наиболее ярким стало употребление данного термина вице-президентом США Диком Чейни в мае 2006 года в Вильнюсе на конференции «Единое видение общего соседства», где присутствовали преимущественно лидеры государств Балтийского и Черноморского регионов. В своем выступлении Чейни четко разделил «сообщество суверенных демократий, которое преодолевает старые обиды, почитает многочисленные культурные и исторические связи, поддерживает свободу торговли, взаимоуважение и совмест-

но стремится к миру» [22] и Россию, которая хотя и не является частью данного сообщества, но имеет шанс ею стать. Такой подход воскресил в памяти эпоху конфронтации и холодной войны, когда термин «sovereign demostasy» употреблялся для обозначения политических режимов, не зависящих от коммунистов – СССР и Китая.

Интересно, что составляющие концептов «суверенитет» и «демократия» изучались на протяжении всей истории человечества многими науками. При этом не существует фундаментального научного труда, в котором «суверенная демократия» была бы объектом исследования. Отсутствие такой работы позволяет трактовать этот термин или как синоним народного суверенитета, или как понятие, противопоставленное либеральной демократии, или как специфическую разновидность демократии, функционирующую исключительно в России.

Чтобы лучше понять, что подразумевается под «суверенной демократией», рассмотрим две ее составные части.

Рассматривать кризис исключительно с экономических позиций представляется неверным. Это комплексное явление, обусловленное политическими, экономическими и социальными трансформациями современности. В свою очередь, последствия этого явления изменяют конфигурацию системы международных отношений.

Суверенитет и демократия

«Суверенитет» – понятие, введенное представителями европейской политической мысли. Оно традиционно имеет два основных значения: верховенство власти и ее независимость. Вместе с тем, в современном мире суверенитет следует рассматривать и в третьем значении, подразумевающем могущество государства, его потенциал и конкурентоспособность. Чтобы избежать терминологической путаницы, вводится новое обозначение для этого третьего значения – реальный суверенитет.

Применительно к российской государственности все три значения суверенитета весьма актуальны. Это

подтверждается исторической практикой. В моменты внутриполитических кризисов иностранные державы стремились ослабить мощь России именно посредством посягательства на ее суверенитет. Территориальная целостность России нарушалась иностранной интервенцией (например, в период Революции 1917 года и последующей Гражданской войны), либо России пытались навязать внешнее управление (например, в период Смутного времени). Сильная государственная власть необходима России. Но, вместе с тем, существование мощного централизованного аппарата власти не должно приводить к ущемлению свобод и прав граждан. Наоборот, их реализация в полной мере может быть достигнута исключительно в условиях сильной власти.

Для предотвращения трансформации сильной власти в ее крайнюю форму – диктатуру России необходима полноценная демократическая система. При этом развитие демократического политического режима невозможно без сохранения суверенитета России.

Отметим, что и с теоретических позиций суверенитет предполагает демократию. Исходя из хрестоматийного определения, суверенитет означает признание независимости власти государствами, действующими на международной арене. Так, с международно-правовых позиций определенное государство суверенно, если его независимость признана другими государствами.

Одновременно суверенитет как верховенство власти подразумевает признание ее со стороны граждан, что возможно лишь в демократических условиях.

Действующий Президент РФ Д.А. Медведев отметил, что «демокра-

тия может быть эффективной только в условиях полноценного государственного суверенитета, а суверенитет как независимость государственной власти внутри страны и вне ее может давать свои результаты только в условиях демократического политического режима» [11].

Понятие демократии имеет различные трактовки. Демократию, например, рассматривали с позиций минималистской, агрегативной, эгалитарной, совещательной и иных концепций.

В современном мире наибольшую популярность получила концепция либеральной демократии. Представители западной научной мысли признают успешное функционирование либеральной демократии только в 31 стране, которые располагаются преимущественно в Северной Америке и Западной Европе. Они выделяют следующие признаки либеральной демократии [20]: представительная система власти, основанная на всеобщих справедливых выборах при тайном голосовании; успешно функционирующие политические институты; открытость политической сферы; высокая политическая активность граждан; многообразие форм участия граждан в политической жизни; юридическая защита прав и свобод личности; защита частной собственности; вера в равенство; наличие активных оппозиционных сил и уважение свободы слова; постиндустриальная рыночная экономическая система; высокий уровень урбанизации и развитая инфраструктура; достаточно высокий уровень жизни, измеряемый предоставлением услуг в сфере образования, здравоохранения и др.

Конечно, даже между признанными либеральными демократиями существуют различия. Так, французская политическая философия разрабатывала понятие абсолютного государства, и государственное строительство основывалось на представлении о сильном государстве, способном обеспечить гражданам и защиту, и политические свободы, и социальные права.

И все же большинство стран — членов Европейского Союза являются признанными носителями ценностей либеральной демократии. Еще до расширения ЕС в 2004 году Романо Проди, занимавший тогда должность Председателя Европейской Комис-

сии, заявил, что ЕС «хранит сущность федерации суверенных демократий».

В связи с этим интересно рассмотреть соотношение понятий суверенной демократии и демократии либеральной. Определение демократии с либеральных позиций подчеркивает активную роль граждан в политике, подразумевает защиту их прав, свобод, частной собственности.

Определение демократии с позиций суверенитета демонстрирует независимость и самостоятельность народа как источника реальной власти в стране и невозможность для внешних сил оказывать давление на государство с целью изменения политики.

Учитывая особенности становления российской государственности, характеризующиеся постоянной борьбой за суверенитет и независимость от внешних сил, демократию в России важно охарактеризовать как суверенную.

Суверенная демократия в России

Выступление В.Ю. Суркова 7 февраля 2006 года возвратило суверенной демократии философско-идеологический аспект, выделенный еще весной 2005 года. Возникает вопрос: стоит ли рассматривать суверенную демократию как идеологию современной России? Суверенная демократия, безусловно, не может рассматриваться как единственно возможная идеология, хотя бы из-за положений действующей Конституции РФ, признающей идеологическое многообразие (ст. 13, п. 1) и невозможность установления никакой идеологии в качестве государственной или обязательной (ст. 13, п. 2) [8].

Суверенная демократия может считаться идеологией лишь в контексте поиска идей, которые способны вдохновить российскую нацию на будущее успешное развитие. За последнее время это стало наиболее удачной попыткой восстановления легитимности демократических идей.

Одним из негативных последствий государственного кризиса в период 1990-х годов в России явился подрыв доверия к ценностям демократии в глазах населения. Многие российские представители либеральной мысли [18] и иностранные эксперты считают последнее десятилетие XX века в России временем, когда в стране успешно функционировала либеральная де-

мократия. Поэтому для значительной части населения России либеральная демократия стала синонимичной политическому хаосу, экономическому кризису, перманентному нарушению прав человека. Провозглашение идеи суверенной демократии способствует преодолению недоверия населения к российской власти и к демократии как политическому режиму.

Значение независимости, подразумевающееся в понятии суверенной демократии, тоже должно импонировать населению России. Ведь суверенитет как способность к самостоятельности — это ни что иное, как самодержавие, и «суверенная демократия», таким образом, аналогична понятию «самодержавного самоуправления» — основополагающей ценности российской нации [15].

Краткий экскурс в историю употребления термина «суверенная демократия» в современной России и применительно к ней показывает, что он используется в контексте актуальных политических проблем. Вместе с тем, политический дискурс о «суверенной демократии» практически оставил в стороне проблему теоретической основы этого понятия.

Изучением понятия суверенной демократии занимаются не только политические эксперты. Важную роль играют и представители юридической науки. Обращаясь к их работам, можно отметить, что многие отечественные юристы трактуют понятие суверенной демократии как синоним народного суверенитета. Так, Председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин в 2006 году на круглом столе на тему «Суверенное государство в условиях глобализации» заявил: «... правомерно говорить “суверенная демократия”». В современных условиях сочетание демократии и суверенитета мне представляется как верховенство Конституции, в которой выражается государственный суверенитет народа. Это не суверенитет монарха, а республиканский демократический суверенитет» [6].

Российским юристам важно подчеркнуть отличие народного суверенитета и тождественного ему понятия суверенной демократии от суверенитета государственного. Так, главный научный сотрудник Российской академии правосудия В.В. Лапаева, рассматривая концепцию демократии,

пишет: «Согласно демократической концепции государства, государственной суверенитет — это лишь следствие народного суверенитета, уходящего своими корнями в право гражданина участвовать в управлении делами государства. Когда же понятие суверенной демократии связывают лишь с суверенитетом государства, то за этим скрывается “попытка государства в очередной раз обрести полный суверенитет от российского демоса, не допустить его превращения в гражданское общество, дабы оно не вздумало ему указывать” [7]» [9].

Профессор МГУ имени М.В. Ломоносова С.А. Авакьян особо отмечает, что в современной России впервые в истории благодаря связи понятий суверенитета и демократии появляется подлинное народовластие, то есть можно говорить о принадлежности «народу всей власти в обществе и государстве» [1]. До этого момента официально говорилось о принадлежности власти определенным классам (рабочим, крестьянам и т. д.), но конституционно власть закреплялась за государственными органами.

Представляется интересным рассмотреть суверенную демократию не в противопоставлении государственному суверенитету, а сопоставив ее с национально-государственным суверенитетом.

Народный и национально-государственный суверенитет

Если «суверенная демократия» — народный суверенитет, то ее родоначальником надо считать французского философа XVIII века Жан-Жака Руссо. Учение Ж.-Ж. Руссо о народном суверенитете было новаторским для своего времени, поскольку предшествовавший период характеризовался доминированием концепции государственного суверенитета, который был персонифицирован в определенной личности — суверене.

Носитель суверенитета рассматривался философом с позиций естественного права, а заключение общественного договора, по Ж.-Ж. Руссо, утверждало народ как единственного суверена и носителя «всеобщей воли». Любое ограничение — и абсолютная монархия, и власть Парламента — рассматривалось философом как ограничение и узурпация суверенитета народ-

ного. Идеи, выдвинутые Ж.-Ж. Руссо, после его смерти были теоретически дополнены, развиты и воплощены в жизнь во время Великой Французской революции. Сам философ считал, что проект народного суверенитета может быть реализован только в небольшом государстве, где элементы непосредственной демократии легко осуществимы [5]. Действительно, народный суверенитет был формально закреплен в якобинской конституции, а в реальности оказалось, что в период якобинской диктатуры лишь небольшой слой людей обладал суверенной властью.

Альтернатива народному суверенитету была выдвинута Георгом Гегелем. Как образно отметил известный советский исследователь суверенитета Иосиф Левин, теория Г. Гегеля явилась «аристократической реакцией на учение о народном суверенитете» [10]. Согласно Г. Гегелю, двумя аспектами суверенитета являются внешний и внутренний суверенитет. Рассматривая их по отдельности, философ приходит к выводу, что внутри государства суверенитет проявляется в единстве и верховенстве государственной власти, которая, будучи категорией идеальной, персонифицируется в суверене. Внешний аспект суверенитета — это независимость, которая существует лишь при наличии отношений между государствами.

Любой суверенитет, как внутренний, так и внешний, есть проявление идеальности. И хотя внутреннему суверенитету присущи признаки верховенства и единства, а внешнему — независимость, это не противопоставляет их. Наоборот, суверенитет государства воплощается лишь при единстве трех признаков суверенитета и двух его аспектов.

Подробное обоснование того, что суверенитет, будучи воплощением особенных государственных функций, может существовать только в государстве; утверждение необходимости наличия монарха в государстве; ярко выраженная антиреволюционная направленность концепции суверенитета Г. Гегеля, не согласующаяся с теорией «народного суверенитета» Ж.-Ж. Руссо; дальнейшее развитие государственной идеи Г. Гегеля классической юридической школой в XX веке (К. Шмит, А. Меллер) позволили советским (И.Д. Левин) и современным российским ученым (Ю.А. Дмитриев, Ш.Б. Магомедов, А.Г. Пономарев)

считать, что теория Г. Гегеля — теория государственного суверенитета. Вместе с тем, его теорию можно рассматривать как теорию государственно-национального суверенитета.

Государственное начало, помимо уже указанных выше признаков, проявляется еще и в своеобразном переосмыслении Гегелем концепций государственного суверенитета, разработавшихся в XVI веке Никколо Макиавелли и Жаном Боденом.

Так, согласно Г. Гегелю, внутренний суверенитет, понимаемый как внутригосударственное единство, персонифицируется в монархе. Это утверждение аналогично мнению, сформулированному Макиавелли в «Государе». Там он объясняет необходимость сильной власти личности, суверена для объединения разрозненных итальянских земель. Подобно Макиавелли, рассматривающему проблему захвата и удержания верховной власти в различных видах государств (унаследованных или приобретенных оружием), Г. Гегель пишет о проявлении внутреннего суверенитета и суверенитета вовне.

Боденовская идея о божественном суверенитете, который на земле персонифицируется по-разному в зависимости от форм правления, отражается у Г. Гегеля в понимании суверенитета как категории мирового разума, объективного духа, имеющего личностное воплощение в монархе.

В теории суверенитета Г. Гегеля присутствует также и национальный аспект, хотя и в минимальном объеме и не слишком четко. Образование государства способствует преобразованию народа в нечто единое: из народа формируется органичная высокоразвитая сущность, представителем которой является личность суверена. В этой единой общности граждан отсутствует произвол желаний многих, поэтому государство может считаться внутрисуверенным. Одновременно сообщество, возникшее из народа и составляющее государство, является самостоятельным по отношению к внешнему миру, что есть проявление суверенитета вовне.

Национальное начало теории суверенитета Г. Гегеля основывается на концепции государственного суверенитета. Поэтому проявление национальной идеи в философии Гегеля намного слабее, чем, например, в концепции национального суверенитета

периода Великой Французской революции, взявшей за основу теории народного суверенитета. Здесь вполне уместно сопоставление. Французский ученый дореволюционного периода Эмер де Ваттель писал: «Нация, государство представляет собою... политический организм, или общество людей, объединившихся для достижения выгод и обеспечения безопасности. <...> Всякая нация, которая сама управляет собою, в какой бы форме это ни осуществлялось, без какой-либо иностранной зависимости, представляет собою суверенное государство» [3]. Очевидно, французский мыслитель рассматривает государство как организацию, производную от на-

произволу, о роли народа в государстве, зависимости власти от воли подданных, о построении социально-справедливого общества и предоставлении больших свобод населению. Расцвет творчества Г. Гегеля приходится на эпоху реставрации монархии во Франции. Немецкий философ, будучи свидетелем произвола, бесчинств и массовых казней, которые во времена диктатуры происходили от имени народа, в полной мере осознавал опасность повторения подобной страшной практики. Поэтому его концепция суверенитета исходит из переосмысления концепции Ж.-Ж. Руссо и во многом определялась новой исторической действительностью.

Любой суверенитет, как внутренний, так и внешний, есть проявление идеальности. И хотя внутреннему суверенитету присущи признаки верховенства и единства, а внешнему – независимость, это не противопоставляет их.

ции, первоочередной целью которой является собственное управление. Г. Гегель же рассматривает нацию как образование, возникающее при государственной организации населения. Для него в едином народе в большей степени важно проявление развития объективного духа, а не политического начала нации. Задачу нации он видит в консолидации народа, в его стремлении отказаться от пребывания на патриархально-племенном уровне развития, создать новое правовое морально-нравственное сообщество², что возможно благодаря наличию государства. Управление и власть, по Г. Гегелю, – это функции сугубо государственные.

Таким образом, государственно-национальная теория Г. Гегеля противоположна концепции Ж.-Ж. Руссо. Однако принцип народного суверенитета, подробно изученный Г. Гегелем, не отрицается им, а переосмысливается и воплощается в государственно-национальных аспектах. Данная трансформация обусловлена историческим контекстом: философия Ж.-Ж. Руссо предшествовала революции, поэтому в ее основе лежали идеи о препятствии монархическому

Здесь нужно отметить, что практическая реализация идей народного суверенитета привела к якобинской диктатуре, в то время как реализация принципа национально-государственного суверенитета позволила создать и укрепить итальянское и германское государства.

Суверенная демократия как национально-государственный суверенитет

В теории национально-государственного суверенитета Г. Гегеля выделим две составляющие: государственную и национальную.

Государственная составляющая. Суверенитет базируется на государственных функциях и власти. Г. Гегель отрицает происхождение суверенитета из общей воли народа, подчеркивая его государственный характер. Он доказывает необходимость поддержания единой верховной власти, выраженной в едином суверене, которая препятствует осуществлению различной частной воли и способна удерживать внутреннее единство государства.

Национальная составляющая. Народ рассматривается Гегелем как «развитая, истинно органическая тотальность» [4], которая обретает законченный характер в государстве, персонифицированном в верховном правителе. Народ преобразуется в государстве: из разрозненной массы с различными частными волями народ становится единым политически организованным сообществом, позволяя поддерживать единство государства. Таким образом, происходит формирование нации (политически организованного этноса).

Обратимся вновь к статье В.Ю. Суркова «Национализация будущего», опубликованной в журнале «Эксперт» в ноябре 2006 года [12]. В изложенной им концепции суверенной демократии четко прослеживается национальная составляющая. Первое краткое определение описывает суверенную демократию как «высшую независимую власть народа». Отсюда следует поспешный вывод, что она базируется на народном суверенитете. Однако, в отличие от национальных государств Европы, Россия исторически формировалась как мультиэтническое государство. Поэтому несколько позже в статье под народом в определении суверенной демократии подразумевается российская нация во всей ее мультиэтничности, автор пишет, что под «нацией понимается сверхэтническая совокупность всех граждан страны» [12]. Суверенная демократия определяется «как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы, справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими» [12].

Государственная составляющая подчеркивается и в выступлении В.Ю. Суркова на заседании Президиума РАН в июне 2007 года. Согласно тексту его доклада, российская суверенная демократия «оправдывает централизацию, концентрацию властных... ресурсов нации в целях самосохранения и успешного развития каждого в России и России в мире» [13].

² Ступенями развития объективного духа, по Гегелю, было право, мораль и нравственность.

Концепт суверенной демократии подразумевает тесную взаимосвязь нации и государства, централизацию властных полномочий единой российской нации ради обеспечения самостоятельности России. Таким образом, суверенная демократия в большей степени основывается на теории Г. Гегеля о национально-государственном суверенитете, чем на принципе народно-суверенитета Ж.-Ж. Руссо.

Концепция суверенной демократии схожа также с концепцией Г. Гегеля о национально-государственном суверенитете при отсутствии внешнего давления на государство в решении вопросов внутриполитической компетенции. Напомним, что внешний суверенитет по Г. Гегелю — это отсутствие внешнего управления. При рассмотрении концепции суверенной демократии каждый раз подчеркивается ее суверенность в понимании независимости именно от внешнего управления.

Суверенная демократия становится политикой обеспечения суверенитета в условиях, когда посягательство на государственный суверенитет происходит разными способами: и традиционным военным методом, как это происходило на протяжении всей истории, и военным методом с согласия международного сообщества. Так, профессор А.Д. Богатуров отмечает, что в своих действиях в середине 1990-х годов страны большой семерки, прежде всего США, руководствовались «новой доктриной международного порядка — доктриной «избирательной легитимности»». Согласно этой доктрине, страны НАТО присвоили себе право не только определять, насколько легитимны внутриполитические действия суверенных правительств, но и устанавливать пределы государственного суверенитета. В качестве примера ученый приводит «гуманитарную интервенцию» НАТО в Косово [2].

Возможно и применение мирных средств, когда в нужной стране приводится к власти марионеточное правительство. Так, в начале XXI века США одним из приоритетов собственной внешнеполитической стратегии начали рассматривать концепцию смены «потенциально опасных» режимов. Используя международные неправительственные организации, международное общественное мнение, определенное государство может контролировать процесс смены власти в другой стране, признав выбранную на всенародном голосовании власть «нелеги-

тимной» или «недемократичной». Оно может поддержать оппозиционные силы, провести революцию и поставить у власти выгодный себе режим. Подобная возможность обусловлена еще и тем, что стандарты либеральной демократии были сформулированы и изучены представителями зарубежных теоретических школ. Следовательно, мнение представителей западных государств становится решающим при определении демократичности.

В связи с этим идеи о суверенности российской демократии направлены на исключение возможности манипулирования политическим режимом России иностранными силами. Помимо противопоставления управлению демократией извне, суверенная демократия противостоит характерной для России внутривластной традиции управляемой демократии. Управляемая демократия в России, начиная с Октябрьской революции, была определенным типом власти, хотя и не постоянно действующим, но периодически проявляющимся при смене руководства страны. Так, при В.И. Ленине она действовала в форме Советов; в начале правления И.В. Сталина — внутри партии. Важно, что, по сути, являясь переходным этапом, управляемая демократия в России не приводила к установлению подлинного демократического политического режима. Корректирование правящей элитой народного выбора трансформировалось либо в диктатуру, либо в авторитаризм.

Суверенная демократия, подразумевающая тесную взаимосвязь нации и государства, централизацию властных полномочий единой российской нации для обеспечения самостоятельности России — это новая альтернатива выходу из управляемой демократии. Это способ консолидации России для преодоления как угроз, исходящих от внешних факторов, так и специфических негативных традиций политического развития государства.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Точка отсчета народ // PRO суверенную демократию. — М.: Европа, 2007. — С. 333.
2. Богатуров А.Д. Глобализация как «синдром поглощения» в международной политике // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. — М.: НОФМО, 2002.
3. Ваттель де Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые

к поведению и делам наций и суверенов. — М., 1960. — С. 40.

4. Гегель Г. Философия права. — М.: Мысль, 1990. — С. 321.
5. Дмитриев Ю.А., Магомедов Ш.Б., Пономарев А.Г. Суверенитет в науке конституционного права — М.: Манускрипт, 1998. — С. 21–24.
6. Зорькин В. Правомерно говорить «суверенная демократия». — Электронный ресурс. — Режим доступа: viperson.ru/print.php?print=1&ID=260657
7. Клямкин И., Кутковец Т. Как нас учат любить Родину // Новая газета. — 2006. — 24–26 июля. — С. 11.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. — М.: ОМЕГА-Л, 2007.
9. Лапаева В.В. К дискуссии о концепциях российской демократии // Российское правосудие. — 2006. — №4. — С. 14–31.
10. Левин И.Д. Суверенитет. — СПб: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 15.
11. Медведев Д.А. О демократии: Выступление на встрече Д.А. Медведева и В.Ю. Суркова с представителями молодежных организаций // PRO суверенную демократию: Сб. / Сост. Л. В. Поляков. — М.: Европа, 2007. — С. 502.
12. Сурков В.Ю. Национализация будущего // Эксперт. — 2006. — №43. — С. 102–108.
13. Сурков В.Ю. Русская политическая культура. Взгляд из утопии: Выступление в здании Президиума РАН 8 июня 2007 г. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.edinros.ru/news.html?id=121456>
14. Сурков В.Ю. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.kreml.org/media/111622794>
15. Третьяков В.Т. Дефицит идеологии и поиск стратегии // Московские новости. — 2006. — 10 марта.
16. Третьяков В.Т. Россия была, есть и будет крупнейшей европейской нацией // Суверенитет: Сб. / Сост. Н. Гараджа. — М.: Европа, 2006. — С. 83.
17. Anderson B. Imagined Communities. Reflection on the Origin and Sread of Nationalism. — London: Verso, 1983. — 224 p.
18. Chudakova M. Current power in Russia is tending to the rigid vertical of power: Интервью Чудаковой М.А. международному порталу World Security Network Foundation. — Электронный ресурс. — Режим доступа: www.worldsecuritynetwork.com/showArticle3.cfm?article_id=15439.
19. Haass R.N. The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs. — 2008. — Vol. 87. — №3. May — June 2008. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://www.foreignaffairs.com/issues/2008/87/3>
20. Hans J. Morgenthau. Politics among Nations. The struggle for Power and Peace (1948) // Теория международных отношений: Хрестоматия / Под ред. П.А. Цыганкова. — М.: Гардарики, 2003. — С. 72–88.
21. McCormick J. Comparative politics in transition. — Indiana University: Thompson, 2004. — P. 21–25.
22. Vice President's Remarks at the 2006 Vilnius Conference. — Электронный ресурс. — Режим доступа: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html>